

Глава 14. Ростки

Цзинь Линьэр, уязвленный прежней неудачей, взялся за ум. Два месяца упорной учебы не прошли даром — строгий наставник наконец сменил гнев на милость. Мальчик воспрянул духом, вернув былую веселость. На уроках он теперь ловил каждое слово учителя, а на переменах, как и прежде, вихрем уносился с ребятами на улицу.

Шумная орава мальчишек с криками высыпала из дверей частной школы. Сбившись в плотную цепочку, они то и дело устраивали веселую возню — народу собиралось много, поэтому любимой забавой оставалась игра в «коршуна и цыплят». Ростом ребята почти не отличались друг от друга, так что «наседке», стоявшей во главе строя, редко удавалось защитить выводок от хищного натиска «волка». Рано или поздно цыплята гибли один за другим.

— Эй, Сунь Линь! — подначивали приятели Цзинь Линьэра. — Позвал бы ты своего отца сыграть с нами. Если он станет наседкой, мы точно выиграем!

— Мой отец в поле работает, — недоумевал Линьэр.

— Да ладно тебе! Он же постоянно сидит на крышах и караулит тебя, прямо как благородный мастер из легенд. Такой точно владеет кунг-фу! — заговорщически подмигнул один из заводил, указывая на далекий конек крыши, где едва заметно темнел знакомый силуэт. — А может, ты из этих... благородных господ, что попали в опалу? Ну, знаешь, семейные распри, злая мачеха выгнала тебя из поместья, и теперь с тобой остался лишь один верный телохранитель?

— Ну ты и фантазер! Все-то тебе известно, — покачал головой Линьэр, едва сдерживая смех.

Он обернулся и действительно заприметил Сунь Цинфэна, притаившегося на крыше.

Весенний ветер сорвал лепесток с цветущего дерева и бросил мальчику прямо в лицо. Он зажмурился, смахнул его, а когда вновь взглянул на Сунь Цинфэна, сердце его вдруг затопила странная, непривычная доселе радость — теплая и щемящая.

Не став раздумывать над этим чувством, Линьэр весело бросился к стене дома. Встав под самым навесом, он запрыгал на месте, отчаянно маша руками:

— Папа! Давай к нам! Иди играть с нами, ну же!

Сунь Цинфэн и сам не заметил, как его привычка приглядывать за мальчишкой незаметно переросла во что-то большее. Время пролетело стремительно: казалось, еще вчера была лютая стужа, а сегодня уже всю зеленело лето.

Застигнутый врасплох, грозный воин смутился так сильно, что едва не свалился с крыши. Приземлившись, он попытался было дать стрекача, да куда там! Цзинь Линьэр в мгновение ока

вцепился в его рукав, а следом налетела шумная ватага ребятни, обступив его плотным кольцом.

Боясь ненароком покалечить хрупких детенышей, Цинфэн замер, словно каменное изваяние. Лишь когда утихли первые восторженные крики, он обреченно вздохнул и согласился примерить на себя роль квочки.

Человек, способный в одиночку прорвать вражеские порядки и снести голову любому полководцу, раскинул могучие руки, заслоняя воспитанника широкой спиной. Пожалуй, это была самая грозная и непобедимая «наседка» в истории детских игр.

Цзинь Линьэр крепко обхватил названного отца за пояс. Понимая, что под такой защитой никакие волки ему не страшны, он решил пошалить и принялся исподтишка щекотать твердые, как камень, ребра мужчины.

Для Сунь Цинфэна, никогда не знавшего простых детских радостей, этот шуточный бой с визжащей детворой казался серьезным испытанием. Он хмурился и держался настороже, ведь проиграй он малышне — куда девать гордость Защитника Золотой печати?

— Папа, ну ты силен! Даже щекотки не боишься! — восхитился Линьэр.

Мальчик никогда не скупился на похвалу, но Цинфэну всегда казалось, будто он не заслуживает этих добрых слов. Мужчина подозревал, что сирота просто боится остаться один, а потому заискивает перед ним при каждом удобном случае. Обычно на подобные восторги он сухо бросал привычное: «Говори нормально».

Но сейчас звонкий детский смех размыл привычные границы его сурового мира. Почувствовав себя самым обычным человеком и празднуя легкую победу в игре, он победно вскинул брови и усмехнулся:

— А ты как думал!

Голоса играющих детей начали стихать в ушах Линьэра, уплывая куда-то вдаль. Мир вокруг словно замер. Перед его глазами высилась лишь эта широкая, надежная спина — прямая, как стрела, и незыблемая, как скала. Этот человек оберегал его даже в пустяковой забаве.

«А ведь небо милостиво ко мне»

Так тихо подумал мальчик.

День за днем пролетел еще один год.

Наступила ранняя весна следующего года. Снег сошел, реки освободились от ледяных оков, земля на наделах семьи Сунь отдохнула и набрала силу, да и сам Линьэр окончательно освоился в школе.

Сунь Цинфэн больше не следил за воспитанником тайком. Облачившись в грубую холщовую одежду, он теперь уходил в поле на рассвете и возвращался лишь в сумерках. Он возился в раскисшей земле, высаживал рисовую рассаду, запустил мальков в затопленные чеки — словом, превратился в самого настоящего, работающего крестьянина.

Видя, как тяжело приходится названному отцу, Линьэр позабыл о прежних шалостях. Стоило закончиться урокам, он больше не задерживался с приятелями, а со всех ног спешил домой.

Весенний полдень дышал теплым, ласковым ветром.

Вбежав во двор, мальчик задвинул тяжелый засов. Ловко поймав в загоне откормленного петуха, он прошептал короткую молитву и резким, выверенным движением полоснул лезвием по птичьему горлу. Птица даже не успела пикнуть.

Наполнив полную пиалу дымящейся темной крови, он зажал нос и осушил ее одним махом. Затем, привычно прибравшись, принялся за домашние дела: промыл рис, поставил тушиться нежное мясо с овощами, а пока обед томился на огне, уселся у очага, скрестив ноги, и погрузился в медитацию, направляя потоки внутренней ци.

Как только по кухне разлился аппетитный аромат готовой еды, Линьэр прервал созерцание. Бережно уложив горячую снедь в плетеный туесок, он вприпрыжку побежал к заливным полям.

Небо очистилось от облаков, явив яркое весеннее солнце.

Сунь Цинфэн сидел на земляной меже, уплетая обед прямо из глубокой миски. С набитыми едой щеками он пробурчал:

— Я же говорил, что беру с собой лепешки. Нечего тебе каждый день сюда бегать.

— А мне нравится обедать вместе. Так еда куда вкуснее, — улыбнулся Линьэр. Справившись со своей скромной порцией, он отставил посуду в сторону и собрался было прыгнуть в воду, чтобы помочь с посадками.

— А ну стой! — Цинфэн вовремя перехватил мальчишку за шиворот и принялся бережно закатывать его штанины. — Год за книжками провел, а повадки все те же — как у дикой обезьяны. Одежду сам стирать будешь?

— Хе-хе, все равно ведь ты постираешь, — озорно отозвался Линьэр.

Сбросив обувь прямо на ходу, он прыгнул в раскисший чек. На его бледных, тонких голених тут же заплескали брызги жирной грязи, дышащие молодой, неудержимой силой.

Городок Облачных ив лежал в живописной долине у самой воды.

Мальчик вытянул шею, подсматривая за крестьянином на соседнем участке. Скопировав его размашистый жест, он высоко поднял тугой пучок рисовой рассады и с силой зашвырнул его в глубину чека.

Старик, услышав всплеск, обернулся и беззлобно рассмеялся:

— Эй, малец, слишком редко бросаешь! Пусто у тебя выйдет!

Линьэр не обиделся, а принялся прилежно расспрашивать соседа о тонкостях дела. Кое-как высадив три ровных рядка, он почувствовал, как заломило поясницу. Заметив, что названный отец отвлекся и задумчиво грызет какую-то травинку, мальчик тут же уселся на корточки и принялся ловить ладонями снующих в мутной воде рыбешек.

На самом деле Цинфэн просто отличался излишней скрытностью. Стоило воспитаннику бросить на него взгляд, как он принимал отсутствующий вид, но стоило тому отвернуться, как мужчина снова ревниво следил за каждым его движением. Боялся, как бы чего не вышло? Разумеется, глупо думать, что посреди залитого солнцем мирного поля таится угроза, но заглушить эту тревогу он не мог.

Заметив праздность подопечного, Цинфэн прикрикнул:

— А ну не балуй! Рыбу он ловит!

Быстро убрав чашки, он зашагал по грязи, поймал скользкого вьюна и ловко швырнул его мальчишке прямо за пазуху. Линьэр заверещал на все поле, пытаясь вытряхнуть извивающееся чудище.

Устроив шуточное состязание — кто быстрее засадит поле, — Линьэр, конечно же, с треском проиграл и в наказание оказался измазан грязью с ног до головы.

Сосед-крестьянин, закончив свою работу, с улыбкой наблюдал, как суровый мужчина заботливо вытирает грязное личико смеющегося паренька краем своего широкого рукава. Находя эту странную парочку на редкость забавной, старик примостился на меже, на скорую руку смастерил из гибкого прута удочку и протянул Линьэру, посоветовав сходить к реке Сунцзян порыбачить.

Ближе к вечеру солнце покатилося к закату, расцветив небо пышным багрянцем.

Повинуясь умоляющему взгляду мальчишки, Цинфэн закинул на плечо самодельную снасть, подхватил опустевший туесок и, придерживая паренька за пояс, повел его к реке.

У воды шумели раскидистые ивы, укрывая берег густой тенью. Пока весь городок Облачных ив не покладая рук трудился на полях, эти двое бездельничали у реки, наслаждаясь тишиной.

Насадив наживку, Цинфэн ловко забросил леску и вложил удилище в ладонь Линьэра.

Пока разнеженный весенним теплом мальчик дремал на траве, мужчина скользнул в чащу, надеясь подстрелить какую-нибудь дичь к ужину.

Легкий ветерок гнал по воде мелкую рябь, унося покой реки Сунцзян в бесконечную даль.

Когда Цинфэн вернулся с упитанным зайцем, солнце уже почти скрылось за горизонтом, превратив речную гладь в колышущуюся ленту расплавленного золота.

Мальчик закрепил удилище между прибрежными камнями, а сам сладко спал, забавно посапывая. На его губах надувался сонный пузырек. В этом предзакатном полумраке он казался невинным дитя со старинного свитка.

Не желая тревожить этот хрупкий сон, Цинфэн тихо отошел в сторону, разделал тушку и развел костер, чтобы зажарить дичь на углях.

Вымыв глиняную плошку, он до краев наполнил ее свежей заячьей кровью. Обернувшись на спящего Линьэра, мужчина вдруг поймал себя на мысли: с тех пор как они поселились в этих краях, мальчик почти перестал пить кровь при нем.

Цинфэн так сильно сжал край миски, что его пальцы побелели от напряжения. В груди шевельнулось нечто тяжелое, душное, едва не заставив его раздавить глиняный черепок.

Раздался тихий всплеск. Густая алая струя полетела в воду, окрасив поток на миг, но река быстро унесла кровь, вновь став чистой и безмятежной.

К тому времени, как мясо покрылось хрустящей золотистой корочкой, Линьэр все еще не подавал признаков жизни.

Усмехнувшись, Цинфэн насадил дымящийся кусок на длинный прут и принялся дразнить соню, помахивая им у самого его носа.

— Ох, как пахнет... — Линьэр забавно сморщил нос, зачмокал губами и, поддавшись аромату, вслепую цапнул зубами горячее мясо. Обжегшись, он взвыл и мгновенно распахнул глаза: — Ой! Неужто жареный заяц сам ко мне прилетел? Я все еще сплю? Погоди, а как же моя рыба? Нет, заяц... рыба... — Он окончательно запутался спросонья, переводя взгляд то на сломанную удочку, леска которой ушла под воду, то на аппетитное мясо. В его затуманенной голове никак не укладывалось, что сейчас важнее.

— Ну и ничтожество ты, о великий Глава культа, — беззлобно фыркнул Цинфэн.

Решив, что пустой желудок важнее уплывшей рыбы, Линьэр с вожделением впился зубами в заячью ножку.

— Старший Сунь, ваши ноги — это просто нечто! — прошамкал он с набитым ртом, пачкаясь жиром. — То есть я хотел сказать — зайчатина у вас получается отменная! Если надоест возиться в поле, откройте харчевню, отбоя от посетителей не будет.

Мужчина, прекрасно знавший цену своим кулинарным талантам, лишь отмахнулся:

— Говори нормально и не напрашивайся на трепку.

Мальчик звонко рассмеялся, указывая пальцем на горизонт:

— Смотри скорее! Вон то облако точь-в-точь как щенок, который пытается проглотить солнце.

— Смотри, как бы я тебя сам не слопал, — буркнул Цинфэн и принялся за еду.

Они сидели плечом к плечу под сенью старой ивы. Линьэр доверчиво прислонился к надежному плечу мужчины, подставив лицо прохладному речному ветру.

Над угасающим костром поднимались тонкие сизые струйки дыма. Ветер подхватывал их, сплетал воедино, превращая в причудливое кружево. У этих полупрозрачных нитей не было плоти, но распутать их казалось невозможным. Вскоре последние лучи угасли, уступив место круглолицей луне, серебряный свет которой залил речные просторы.

Лето выдалось засушливым и удушливым. Сунцзян сильно обмелела, местами обнажив каменистое русло.

Посевы гибли без влаги. Теперь Цинфэн целыми днями таскал тяжелые ведра от реки к наделам, трудясь не покладая рук. Времени на долгие обеды не осталось — он наспех перекусывал сухими лепешками прямо в поле, строго наказав воспитаннику сидеть дома и не

соваться на солнцепек.

Но разве мог Линьэр усидеть на месте? Возвращаясь из школы, он наскоро кашеварил, набивал рот парой ложек риса и тут же мчался к реке с коромыслом наперевес. Помощник из него, впрочем, был аховый: пока Цинфэн успевал перетаскать десяток ведер, мальчик успевал лишь проковылять половину пути и без сил садился у дороги, обнимая ушат.

Цинфэн для вида ворчал, мол, тот совсем обленился, забросил боевые искусства и теперь пожинает горькие плоды своего легкомыслия. Но стоило пареньку задержаться хоть на минуту, как мужчина, не раздумывая, поворачивал назад. Он подхватывал изможденного мальчишку вместе с ведрами и легко нес до самого дома. Груз этот был не из легких, но для Сунь Цинфэна он никогда не был в тягость.

Сгорая от стыда за собственную слабость, Линьэр изо всех сил старался быть полезным. Промучившись так целый день под палящим солнцем, к вечеру он едва держался на ногах. Сел за уроки, но он так дрожал, что не мог удержать кисть. Едва выведя пару иероглифов, он неловко взмахнул рукой и умудрился забрызгать тушью собственное лицо.

Едва сдерживая смех, Цинфэн опустил на циновку рядом с ним. Мягко отобрав испачканную кисть, он придвинул к себе бумагу.

Линьэр и представить не мог, что этот суровый воин владеет каллиграфией. Его почерк поражал изяществом и силой: мазки ложились уверенно, размашисто, в каждом движении чувствовался дух непобедимого полководца. Мальчик в ужасе перехватил его руку:

— Стой, стой, не надо! Ты пишешь куда лучше нашего старого учителя! Он же сразу поймет, что это не моя писанина.

— Слишком много болтаешь, — недовольно буркнул Цинфэн, аккуратно укладывая кисть на подставку.

Испугавшись, что снова задел гордость названного отца, Линьэр принялся судорожно соображать, как загладить вину, но не успел он вымолвить и слова, как Цинфэн подхватил его под мышки и усадил на колени.

— У тебя почерк как у курицы лапой, — негромко произнес Цинфэн, обнимая его сзади и вкладывая кисть обратно в его ладонь. — Писать-то дальше будешь?

— Д-да... сейчас, — растерялся Линьэр.

Сердце его забилось чаще от этого непривычного тепла, а в душе шевельнулся озорной восторг — точь-в-точь как у сорванца, которому чудом удалось дернуть спящего тигра за хвост и остаться невредимым.

<http://bllate.org/book/18425/1791198>